

УДК 94(363);929.5

КТО ТАКИЕ НЕМЦЫ? ОНОМАСТИКА И ДНК-ГЕНЕАЛОГИЯ

И.Л. Рожанский

Академия ДНК-генеалогии (Цукуба, Япония)

e-mail: mail@histformat.com

Авторское резюме

Общепринятая этимология этнонима «немцы» от прилагательного «немой» показала свою несостоятельность при детальном анализе акцентных форм и семантики соответствующих слов древнерусского языка. Для поиска реального происхождения этого общеславянского названия своих западных соседей были использованы данные Y-ДНК с проекта германоязычных народов, которые позволили выделить генеалогические линии, маркирующие миграции ранних германцев I-II веков до н.э. Совместный анализ ДНК уроженцев юго-запада Германии и письменных источников дает поддержку гипотезе, что этноним «немцы» восходит ко временам ранних германо-славянских контактов, предположительно, в междуречье Эльбы и Одера в последние столетия до н.э.

Ключевые слова: славяне, германцы, ДНК-генеалогия.

WHO ARE «NEMTSI»? ONOMASTICS AND DNA-GENEALOGY

Igor Rozhanskii

Abstract

A commonly accepted etymology of the Russian «nemtsi» (Germans) as derived from «nemoi» (dumb), appears to be strongly inconsistent with accentual and semantic features of corresponding words in the Old Russian. In search for the actual origin of this common Slavic word for their western neighbors, data of the German language area DNA project have been employed. Among those, several genealogical lineages have been identified, which can be considered as probes for the early German migrations of the 1st-2nd centuries BC. A joint analysis of Y-DNA data for the inhabitants of southwest Germany together with ancient literature sources supports a hypothesis about an origin of the ethnonym «nemtsi» during early German-Slav contacts, presumably in area between Elbe and Oder rivers within the last centuries BC.

Keywords: Slavs, Germans, DNA genealogy.

* * *

Последние полтора тысячелетия ход европейской, а начиная с Нового времени, и мировой истории во многом определяется взаимодействием двух суперэтнотосов – германского и славянского. В сравнении с цивилизациями Ближнего Востока и Средиземноморья, их письменная история в качестве самостоятельных единиц начинается довольно поздно, а потому почти всё, что происходило с ними до появления в хрониках, приходится восстанавливать по косвенным источникам: мифологии, фольклористике, археологии и интерпретациям древних текстов, что, как правило, не поддаются однозначной трактовке. Не последнюю роль в этих

реконструкциях играют исследования лингвистов, которые собрали обширный материал по древним контактам предков современных славян и германцев (Кузьменко 2011). Помимо близкого географического соседства, о древности этих контактов говорит и то, что в славянских языках в качестве собирательного этнонима германцев служат не производные от латинского *germani* или древневерхненемецкого самоназвания *diutisc*, как в большинстве языков, а слова, восходящие к загадочному протославянскому **němьсі*.

О загадке слова «немец» речь пойдет ниже, а пока можно отметить, что разные экзоэтнонимы одного и того же народа зачастую несут информацию о времени и формах контактов. Например, китайское и японское названия немцев («дэгуо» и «дойцу», соответственно), очевидно, были заимствованы из голландского *duitse*, поскольку голландцы, наряду с португальцами, были первыми европейскими народами, наладившими прямые связи со странами Дальнего Востока. Что касается более близких соседей, то достаточно очевидно происхождение финского экзоэтнонима *saksa*. Контакты финнов с жителями Германии начались до того, как немецкое *Deutsche* и его скандинавский аналог *tysk* стали общеупотребительными, а потому они использовали название той группы немцев, с которыми контактировали более всего (т.е. саксов), отделяя их тем самым от других германоязычных народов – шведов (*ruotsi*) и датчан (*tanska*). Очевидно, в этом случае речь идет о временах, предшествовавших созданию Ганзейского Союза, в котором выходцы из Саксонии играли ведущие роли.

С французским *allemand*, от которого происходят также соответствующие названия в испанском, португальском и арабском, ситуация несколько иная. В отличие от финнов, французы имели тесные связи со всеми этническими группами Германии, и выбор в качестве собирательного названия только одной из них – алеманов (*Alamanni*), – не столь очевиден. Загадка вполне логично решается, если принять, что во французский это слово пришло от франков – германского народа, завоевавшего Галлию после распада Римской Империи и давшего ей нынешнее название. Их северо-восточным соседом были саксы, а южным – алеманы. С точки зрения франков, было вполне закономерно именовать всех говорящих на германских языках, но отличных от них самих, по имени одного из этих племенных союзов, что ко времени возникновения их королевства занимали основную часть территории исторической Германии. Перевес оказался на стороне алеманов. Франки быстро романизовались, и у их потомков этноним «алеманы» утратил свою различительную функцию (германцы, но не мы), но сохранился в разговорном языке, одержав в итоге верх над книжными *Germani* и *Teutoni*. Следовательно, слово *allemand* можно считать напоминанием об эпохе Великого переселения народов, когда на обломках Империи образовались различные варварские королевства.

После такого вступления можно сформулировать постановку вопроса, вынесенного в заголовок. Память о какой эпохе хранит русское слово «немцы»? Что можно сказать о времени и месте его возникновения? Какой народ или группу народов изначально называли немцами, и что это слово означало? Каков был характер отношений между «прото-немцами» и славянами? Эта тема, казалось бы, давно исследована, и уже несколько десятилетий среди лингвистов и большей части

историков достигнуто согласие, которое в сжатой форме изложено в этимологическом словаре русского языка М. Фасмера. Вот что сообщает словарная статья:

Слово: не́мец

Ближняя этимология: род. п. -мца, др.-русск. нѣмьць «человек, говорящий неясно, непонятно»; «иностранец», нѣмьчинь «немец, любой иностранец» (Срезн. II, 486 и сл.; Ф. Браун, *Germanica Sievers* 679 и сл.), ср.-греч. Νεμίτζοι мн. «немцы» (Конст. Багр., *De cerim.* 2, 398; см. Томсен, *Ursprung* 120), болг. не́мец – то же при немец «немой» (Младенов 362), сербохорв. нијѐмац «немец; немой», словен. нѣмес «немой; название сев. ветра; сорт овса», чеш. нѣмес «немец», словц. nemes, польск. niemiec, в.-луж. нѣмс, н.-луж. nimc.

Дальняя этимология: Праслав. *нѣмьсь «чужестранец» образовано от нѣмъ (см. немой). Ср. диал. говори́ть не́мо, т.е. «невнятно говорить (о ребенке)», вятск. (Васн.), нѣмчик «малыш, ребенок, который еще не говорит», смол. (Добровольский), немко́ «немой», арханг. (Подв.), немты́рь, немтура́ «косноязычный, заика», вятск. (Васн.), др.-русск.: Югра же людие есть языкъ нѣмъ, т.е. «чужой, иноязычный (немой) народ» (Лаврентьевск. летоп. под 1096 г.), греч. οὐθ' Ἑλλὰς οὐτ' ἄλλωσσος γαῖα (Софокл, Трах. 1096); см. Грюненталь, *ZfslPh* 13, 342; *AfslPh* 39, 290 и сл.; 42, 318; Улашин, *ZfslPh* 6, 369 и сл.; В. Шульце, *KZ* 50, 129, где даны семантические параллели. С названием зап.-герм. неметов (Плиний, Тацит; см. Мух у Хоопса, *Reall.* 3, 301 и сл.) у Шпейера слав. нѣмьсь не имеет ничего общего по фонетическим и географическим соображениям, вопреки Шахматову (*AfslPh* 33, 82 и сл.), Беличу (ИОРЯС 8, 2, 388), Микколе (*Zschr. f. d. Wf.* 6, 372; *Этногр. Обзор.* 60, 178; *РФВ* 48, 270 и сл.); ср. Фасмер, *RS* 6, 194; Ягич, *AfslPh* 31, 591; Янко, *Teuthonista* 8, 127 и сл.; *WuS* 1, 108; *ZfslPh* 13, 417 и сл.; Ключе, *Zschr. f. d. Wf.* 6, 372 и сл.; Грюненталь, там же; Улашин, там же. Ошибочна также гипотеза о первонач. знач. «кочевник» и родстве с греч. νέμω «пасусь», νομή «пастбище», νομάς «кочевник», νέμος «лес», лат. nemus, -oris «роща», вопреки Ильинскому (ИОРЯС 24, 1, 148 и сл.). О греч. и лат. словах гораздо лучше говорится у Гофмана (*Gr. Wb.* 214; Вальде-Гофм. 2, 158). От нѣмьць произведено др.-русск. нем(ь)чичи мн., Смол. грам. 1229 г. (Напьерский 425), неоднократно.

Казалось бы, примеры из летописей и русских диалектизмов не дают повода усомниться, что слово «немец» происходит от прилагательного «нѣмьи», для которого, в свою очередь, предлагается оноματοпоэтическая этимология. Оно имитирует мычание немого или косноязычного человека, подобно похожим конструкциям в русских словах «бубнить» и «мямлить» или греческом βάρβαρος (чужеземец, говорящий невнятно). Однако подобная трактовка вызывает, как минимум, два серьезных вопроса. Во-первых, почему, в отличие от уже приведенных примеров с японским, финским и французским языками, традиционная этимология славянского «немец» выглядит откровенно умозрительной и не дает никаких привязок ни ко времени, ни к реально существовавшим народам? И, во-вторых, как

объяснить то, что в русском, равно как в древнерусском и всех славянских языках, ударение в слове «немец» падает на первый слог, а акцентная парадигма древнерусского прилагательного «нѣмѣи» требует, чтобы в производном от него существительном ударение было на конце слова, как в образованных по той же конструкции словах «слепец» или «хромец»?

Авторы «классической версии» знать этого не могли, потому что законы древнерусской акцентуации были открыты только в 80-е годы XX века, а первое справочное издание по древнерусскому ударению появилось в наши дни (Зализняк 2014). Ударение в производных от прилагательного «нѣмѣи» (краткая форма «нѣмѣ») следует акцентной парадигме «с», согласно которой оно никогда не падает на основу, за исключением специальных случаев. Той же самой парадигме следует слово «слѣпѣи», сохранившее ее и в современном русском языке (слепой – слепец). Прилагательное «хромѣи» в древнерусском имело ударение на первом слоге и подчинялось акцентной парадигме «b», согласно которой в производном от него «хромец» оно переходит на второй слог. Слово «нѣмѣи» во всех источниках, использовавшихся при составлении словаря, подчиняется акцентной парадигме «а», с фиксированным ударением на основе.

Эти акцентные схемы в древнерусском соблюдались весьма строго, а потому следует искать серьезные причины, почему произошла их смена при образовании существительного «немец» от прилагательного «немой». Справедливости ради, в акцентологическом словаре приводятся единичные примеры, когда «нѣмѣи» получало ударение по парадигме «а» (рукописи 1500 г. из монастыря на Онежском озере и 1551 г. из Рязани), но этого явно недостаточно, чтобы считать ее исходной для этого слова (Зализняк 2014: 380). Таким образом, расхождения в акцентных схемах слов «нѣмѣи» и «нѣмѣи» указывает либо на заимствование последнего из другого, видимо, не славянского языка, либо на то, что оно образовалось не от «нѣмѣи».

Для проверки второго предположения следует рассмотреть, с помощью каких суффиксов формировались этнонимы в древнерусском языке. Значительная их часть имела бессуффиксальную конструкцию, как, например, «грекы», «еврѣи» или «печенѣгы». Названия славянских и некоторых других племен, как правило, получались добавлением к основе суффикса «-ичи» (кривичи, вятичи, радимичи, а также вогуличи). Весьма продуктивным в древнерусском был суффикс «-ане/-яне» (древляне, поляне, хорутане, а также египтяне, критяне, римляне и т.д.), который присоединялся к топониму, делая его определением для того или иного народа. В современных восточнославянских языках он вышел из употребления в этом значении (редкое исключение – «инопланетяне» и «марсиане»), и вместо него стал использоваться чрезвычайно продуктивный в настоящее время суффикс «-ец» (мн.ч. «-цы»). Например, современный народ на Балканах мы называем македонцами, а жителей Македонского царства времен античности, по традиции, македонянами. Характерно, что во всех этнонимах, кончающихся на «-ец/-цы», ударение всегда падает на основу, как и в слове «немцы» (ср., эстонцы, испанцы, норвежцы, а также собирательные горцы и африканцы).

Однако в древнерусском и, очевидно, в праславянском этот суффикс практически не использовался в таком значении, и в памятниках той эпохи отмечен

почти исключительно по отношению к жителям некоторых городов (муромець, новгородець, новоторжець и т.п.). По этой причине маловероятно, что общеславянское «немцы» – это производное от какого-то топонима, начинавшегося на «нѣм», о местонахождении которого ничего сказать нельзя. Наконец, специфическими для древнерусского языка являются этнонимы в краткой форме (как правило, заканчивающиеся на полугласный «-ь»), что применялись к окружающим неславянским народам: чудь, весь, жмудь, голядь, водь, пермь, а также литва, мордва, меря, мурома и т.д. Древнерусское «нѣмьць» по своей конструкции совпадает с этим способом образования этнонимов, в том числе и по наличию производного «нѣмчинь», подобно «жмудин» или «мордвин». Однако в письменных источниках такая форма употребления слова «нѣмьць» не отмечена, насколько можно судить. Форма множественного числа «нѣмци» также противоречит такой трактовке. Следовательно, среди славянских словообразовательных моделей нет такой, что позволяла бы привести к образованию этнонима «немцы» без очевидных натяжек.

Последним доводом общепринятой модели остается утверждение, что протославянское **нѣтъсі* обязано своим появлением цепочке семантических переходов от «говорящего невнятно» к «чужеземцу вообще» и, далее, к «чужеземцу, говорящему на германских языках». Даже если пренебречь нарушением правил акцентуации, что недопустимо при научном подходе (см. выше), данная семантическая модель с поэтапным сужением выглядит явно надуманной. Примеры подобного сужения если и зафиксированы в каких-либо языках (автору найти их не удалось), то их единицы в сравнении с расширительной семантикой, некоторые примеры которой были приведены во введении. Греческое *βαρβαρος* всегда оставалось собирательным, и ни один из источников не пишет про «варваров» как определенный, отличный от других народ. То же самое относится, к примеру, к русскому «горцы» или «горские народы», что долгое время было собирательным для народов Северного Кавказа. Оно никогда не переносилось на какой-либо определенный народ, как не существовало и понятия «горский язык».

Поскольку версию с семантическим сужением на все 100% отвергать все же нельзя, следует рассмотреть, проявляется ли оно в каких-либо источниках. Расширительное толкование слова «нѣмци», действительно, отмечено в памятниках XVI-XVII веков, преимущественно московских, где упоминаются, например, «шведские немцы» (Соловьев 2013: 120) или «бельские немцы» – шотландцы и ирландцы по национальности (Малов 2006: 35-36). Однако более ранние документы, такие как Повесть Временных Лет (ПВЛ) и новгородские договорные грамоты, такого обобщения не знают и четко разграничивают немцев и другие народы, живущие с ними по соседству.

«Афетово бо и то колъно Вар^ази Свеи. Оурмане [Готе] Русь . Агнане Галичане . Волѣхва Римлане Нѣмци . Корлази Венѣдици Фрагове и прочии доже пристѣдѣтъ ѿ запада къ полуночю и състѣдѣтъ съ племянемъ Хамовѣ» (ПВЛ, Лаврентьевский список, лист 2)

«Се азъ князь Олександръ и сынъ мои Дмитрии, с посадникомъ Михаилъмъ, и с тысяцькимъ Жирославомъ, и съ вѣсьми новгородци dokonчахомъ миръ с посломъ

нѣмьцькымъ Шивордомъ, и с любѣцькымъ посломъ Тидрикомъ, и с гъцькымъ посломъ Ольстенѣмъ, и съ вѣсмъ латиньскымъ языкомъ» (1262-1263 гг. — Договорная грамота Новгорода с Готским берегом, Любеком и немецкими городами о мире и торговле).

Место обитания немцев из ПВЛ не совсем понятно, поскольку они всего лишь упоминаются в общем перечне потомков Яфета между римлянами и загадочными корлязями, но очевидно, что в этом контексте речь идет о конкретном народе, а не чужеземцах вообще. Мирный договор, заключенный Александром Невским, дает более ясное указание, кого называли немцами в Новгороде в середине XIII века. Это, несомненно, жители севера Германии, многолетние торговые партнеры Новгородской республики. Вольности с игрой в разные смыслы одного и того же слова недопустимы в столь важном дипломатическом документе. Таким образом, постоянно приводимый, со ссылкой на словарь И.И. Срезневского, тезис о равнозначности исходных значений «немец» и «чужеземец» не выдерживает проверки применительно к древнерусскому языку.

Однако этот этноним имеет корни в протославянском языке, и, может быть, в более ранние времена он все же имел расширенное значение? Впервые немцы появляются в трактате «О церемониях», написанном на средневековом греческом в середине X века по заказу императора Константина VII Багрянородного. В 48-й главе, посвященной формулам обращений к иностранцам, перечисляются короли (Ῥῆγα), в переписке с которыми предписывалось употреблять довольно сложную фразу, близкую к той, с которой обращались к римскому папе. Это короли Саксонии (Σαξονίας), Баварии (Βαϊεῖον), Франции (Γαλλίας) и Германии (Γερμανικείας), то есть наследники империи Карла Великого, что, очевидно, и передает общая для них всех формула. После упоминания Баварии автор трактата дает примечание, что ее жителей обычно называют немцами (Νεμίτζιοι) (рис. 1, вторая строка сверху)

Рис. 1. Отрывок из трактата «О церемониях» с упоминанием народа Νεμίτζιοι (Константин)

То есть ко времени написания трактата этноним «немцы» был настолько распространен в Византии, что автору (видимо, самому императору) пришлось напоминать своим придворным, что некие баварцы – это хорошо им знакомые немцы. В политических реалиях X века королевство «немцев» соответствовало территории современной Австрии, Баварии и части земли Баден-Вюртемберг (рис. 2), причем, как и в написанной позже ПВЛ, проводится четкое различие между немцами и другими народами, в том числе германоязычными.

Рис. 2. Расположение королевств – наследников империи франков, к концу X века

При жизни Константина Багрянородного в Паннонии поселился новый народ – воинственные племена венгров, язык которых пополнился большим массивом славянизмов для реалий, неизвестных им в прежних местах обитания. Название своих западных соседей они заимствовали в форме *német*, где первая гласная звучит, как среднее между «е» и «и», как и древнерусская «ѣ». Не совсем ясно, почему в конце слова стоит согласный *t*, поскольку в венгерском имеется звук, обозначаемый буквой *s* и совпадающий по звучанию со славянским «ц». Если фонетических проблем с точной передачей славянского этнонима у современных венгров нет, то следует допустить, что либо в старовенгерском языке X–XI веков звука «ц» не было, либо венгры заимствовали этноним в форме с конечным *t*. Надежных сведений о фонетике старовенгерского языка найти не удалось, а потому вопрос остается открытым. Однако наличие в руническом венгерском алфавите IX–XI веков отдельной буквы «†», соответствовавшей *s* в латинице, делает второй вариант более вероятным.

Как и Νεμίτζιοι в греческом трактате, венгерское *német* применялось к жителям современных Австрии и Баварии, а не к германским народам в совокупности. Живших севернее франков венгры раннего Средневековья называли *olas*, то есть «влахами» на языке хорватов и словенцев (Kniezsa 1955, с. 360). Спустя какое-то время, южнославянским «влах» (заимствованным, в свою очередь, из древнегерманского названия кельтов **walhaz*) и его венгерском аналогом *olah* станут называть румын, видимо, из-за сходства их языка с наречием романизованных

франков. Из этого анализа можно сделать вывод, что к середине X века этноним «немцы» был общеупотребительным (по меньшей мере) на юго-востоке Европы и применялся к юго-восточной группе германских народов – предкам современных австрийцев и баварцев. Нет никаких признаков того, что этот этноним до того имел более широкое значение, а венгерская форма *német* заставляет усомниться в его славянской этимологии, поскольку в ней исчезает славянский суффикс «-ьць».

Можно также отметить, что ареал, занимаемый «немцами» X века, совпадает с тем, где жили алеманы, не упоминаемые ни в одном из славянских источников. Очевидно, франки называли алеманами тот же самый народ. Поскольку источники ПВЛ, по мнению большинства исследователей, связаны с южнославянской традицией, то под упоминаемыми в ее вводной части «немцами», видимо, имеются в виду «Βαϊεῖρη-Νεμίτζιοι» Константина Багрянородного, о чем косвенно говорит и порядок перечисления в процитированном выше отрывке. Они соседствуют не с северянами (урмане, варяги, свеи, русь), а с народами, входившими некогда в состав Римской Империи (волохи, римляне, венецицы-венецианцы).

Если вернуться к трактовке этимологического словаря Фасмера, то, вопреки ей, слово «немец» претерпевает на протяжении шести столетий не сужение, а расширение смысла, от сравнительно небольшой группы народов в Центральной Европе в самых ранних источниках до говорящих на похожем языке северных германцев в новгородских грамотах и западных европейцев вообще во времена первых Романовых. Значение «чужеземец, говорящий не по-нашему» не реконструируется ни при каких допущениях, за исключением, видимо, случайного созвучия с прилагательным «немой».

На этом можно завершить анализ наиболее устоявшейся этимологии слова «немцы» и признать ее крайне неубедительной. Она не отвечает ни на один из вопросов, поставленных во вводной части, подменяя их умозрительными рассуждениями и откровенными натяжками в фонологии и семантике. По этой причине многие исследователи предлагали другие версии возникновения этого этнонима, некоторые из которых критически обсуждаются в словарной статье. С пометкой «не имеет ничего общего по фонетическим и географическим соображениям» дается этимология, предложенная ещё в XIX веке основоположником научного изучения древнерусского языка А.А. Шахматовым, которая выводит его из названия племени, жившего по среднему течению Рейна и упомянутого в сочинениях Цезаря и Тацита под именем *Nemetes* (Caes. Gal. 1.51; Tac. Ann. 12.27; Tac. Ger. 28), или как *Nemetae* у Аммиана Марцелина (Amm. 15.11). Профессиональный лингвист М. Фасмер прибегает здесь к аргументу вне лингвистики и дает формулировку о «географических соображениях», что не очень характерно для его стиля. В силу ограничений на объем словарной статьи смысл этих «соображений» не раскрывается, но несложно догадаться, что это – небезызвестный постулат о том, что славян до VI века н.э. не было, а потому о существовании племени *Nemetes*, в последний раз упомянутом в III веке и жившем вдалеке от бассейнов Вислы или Припяти (куда во времена М. Фасмера помещали прародину славян), они знать не могли.

Что касается «фонетических соображений», то они состоят в том, что долгое *e* в латинском названии германского племени не могло дать букву «ѣ» в древнерусском и *é* - в венгерском, поскольку этого не происходит в заимствованных из латыни словах с тем же звуком. Однако это правило не соблюдается, если направление заимствования было противоположным или слово пришло в латынь и славянские языки независимо из третьего источника. Число вариантов записи гласного, отсутствовавшего в латыни, в таком случае резко возрастает. В качестве примера можно привести древнегреческое мужское имя Ἀνδρέας (мужественный), которое в классической латыни имело форму *Andreās*, а в древнерусском – «Андрѣй». Следовательно, в отрыве от других данных фонологический анализ не способен дать однозначный ответ, насколько обоснованными являются те или иные закономерности в заимствованных словах. Другие версии, предложенные в словарной статье, выглядят пока чересчур умозрительными в контексте поставленной задачи. Как результат, ни одна из предложенных этимологий слова «немцы» не свободна от натяжек, а главное, не позволяет даже близко подойти к ответу на поставленные вопросы.

Чтобы этого добиться, необходимо привлекать данные вне лингвистики и четко сформулировать, какие возможные гипотезы можно проверить с их помощью. Поскольку версию с невятно говорящими «немцами» нельзя ни подтвердить, ни опровергнуть, то основное внимание следует уделить реально существовавшему племени, которое в русскоязычной литературе принято называть *неметами*. Название это несколько условно, потому что в античных источниках оно упоминается только во множественном числе. По правилам латинской грамматики, форма именительного падежа единственного числа слова *Nemetes* не имеет единственного варианта, и с равной вероятностью может выглядеть как *Nemet*, *Nemes* или *Nemets*.

Об этом народе сведений сохранилось не много. Юлий Цезарь упоминает их при перечислении германских племен, перешедших на левый берег Рейна под предводительством Ариовиста (гаруды, маркоманы, трибоки, вангионы, неметы, седусии и свебы), а после поражения от римлян в 58 г. до н.э. в битве при Вогезах вернувшихся за Рейн. В «Германии» Тацита, написанной 150 лет спустя, неметы, наряду с трибоками и вангионами, оказываются недалеко от тех мест, где они когда-то потерпели поражение от легионов Цезаря – на левом берегу Рейна, между современными Франкфуртом и Страсбургом. Французский кельтолог К. Деламар предлагает галльскую этимологию для этнонима, руководствуясь созвучием с такими топонимами, как *Nematacum* (совр. Аррас) и *Augustonemetum* (совр. Клермон-Ферран), которые возводит к нигде не зафиксированному, но реконструированному галльскому слову **nemeton* (священная роща) (Delamarre 2003)¹. Так это или нет, однозначно сказать нельзя. Античные географы упоминают города неметов *Julius Vicus* и *Noviomagus Nemetum*, современные Гермерсхайм и Шпайер в земле Рейнланд-Пфальц (Hazlitt 1851: 192, 245).

С возникновением в этом регионе племенного союза алеманов в середине III

¹ Цит. по: <http://www.arbre-celtique.com/encyclopedie/nemeton-sanctuaire-bois-sacre-2695.htm>

века н.э. неметы перестают упоминаться в документах, а их главный город неоднократно подвергается грабежам и переименованиям. Под латинизированным названием *Spira* он стал в VII веке одним из важных центров формирования германской государственности, и не только германской. Еврейская община Шпайера, наряду с расположенным рядом Вормсом, дала начало этнической группе ашкенази.

Из этой краткой сводки для целей настоящего исследования можно отметить два пункта. Во-первых, земли неметов находились на той же самой территории, которую затем населяли алеманы, они же (?) Νεμίτζιοι из трактата Константина Багрянородного, они же (?) западные соседи венгров (*németek*) и, видимо «нѣмци» из вводной главы ПВЛ. И, во-вторых, в силу своего географического положения их главный город *Noviomagus Nemetum* (будущий Шпайер) долгое время был важным торговым и военным центром на римско-германской границе. Возможна ли при таких условиях ситуация, чтобы название одного из народов, населявших южную часть исторической Германии, стало собирательным для них всех?

Прямых указаний на это нет, но, как показывает история этнонимов «греки» (от небольшого племени в Эпире) и «китайцы» (от существовавшего в X-XII веках н.э. ханства китаев на территории современных Монголии и Маньчжурии), подобный семантический сдвиг нельзя назвать необычным. Насколько велика его вероятность в данном случае, зависит от уже упомянутых «географических соображений». А именно, можно ли найти доказательства того, что предки славян и неметов с берегов Рейна когда-то были близкими соседями, а также сохраняли контакты достаточно долгое время, чтобы этот этноним получил расширительное толкование?

Поскольку лингвистические реконструкции фактически исчерпали свой потенциал, а интерпретации археологических данных редко бывают однозначными, следует привлечь ДНК-генеалогию. Положительным моментом в таком исследовании можно считать обилие материала по ДНК этнических немцев в высоком разрешении. На ДНК-проекте германоязычных народов для анализа было отобрано 2227 гаплотипов, удовлетворявших следующим критериям: (1) их длина должна быть 37 и более маркеров; (2) документированный предок участника проекта должен быть уроженцем Германии, Нидерландов, Бельгии (фламандцы), Люксембурга, Австрии, германоязычных частей Швейцарии, Франции и Италии, или (3) иметь подтвержденные данные о том, что он был этническим немцем из Восточной Европы (Польша, Чехия, Словакия, Венгрия, Россия, Украина, Румыния, Сербия).

Как можно ожидать для группы народов, занимающих весь центр Европы, у них отмечено большое количество гаплогрупп, причем с заметными различиями в составе по регионам. К самым распространенным следует отнести R1b, I1 и R1a. Общая статистика по распределению генеалогических Y-хромосомных линий на территории исторической Германии проведена на рис. 3.

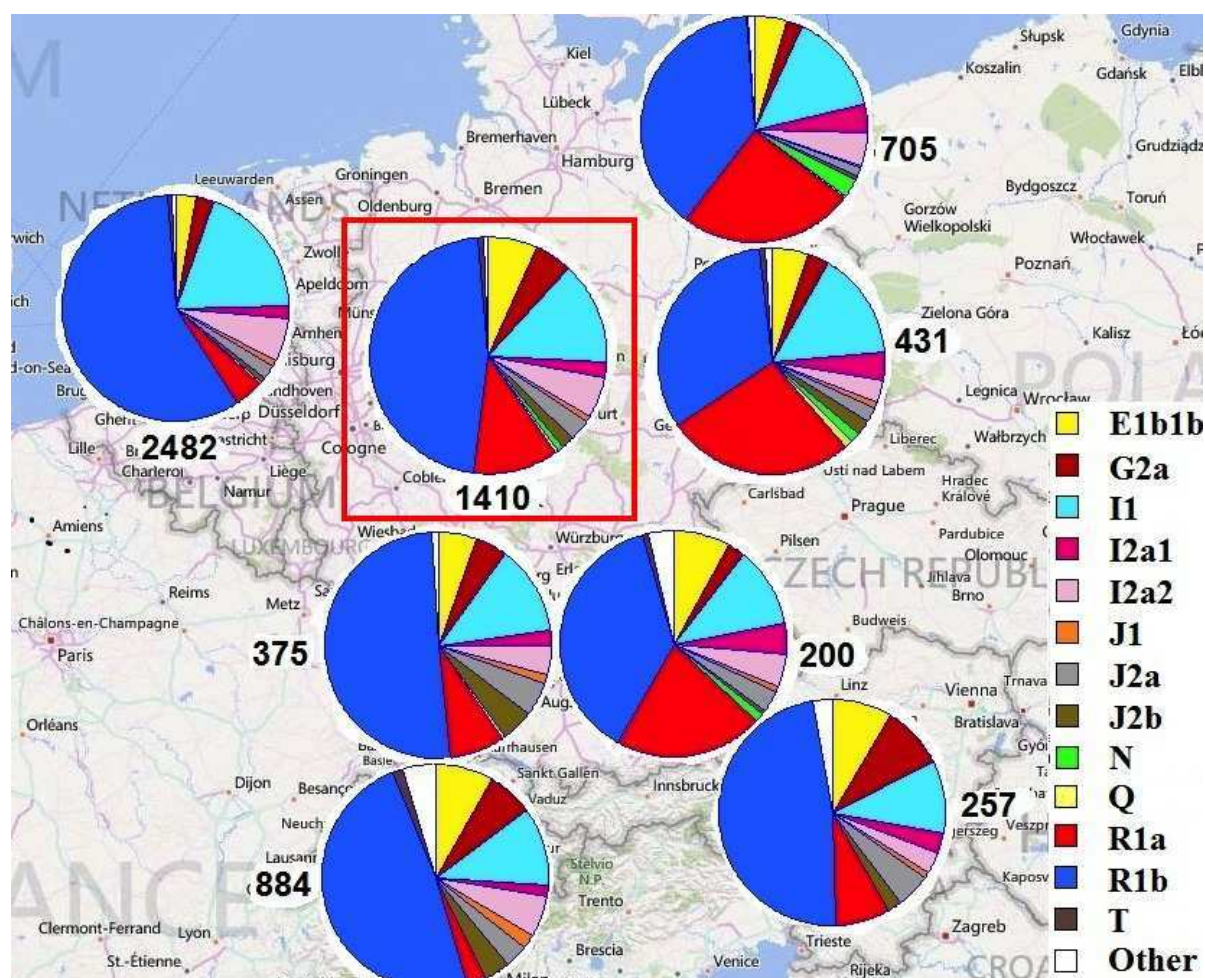

Рис. 3. Распределение Y-хромосомных гаплогрупп среди германоязычных народов континентальной Европы, согласно полевым выборкам 23-маркерных гаплотипов (Purps 2014). Цифрами отмечено общее число гаплотипов в выборке. Для сравнения указано распределение 1410 гаплотипов с германского проекта FTDNA (<https://www.familytreedna.com/public/germany/>)

Занимающая первое место R1b представлена у немцев теми же ветвями, что и у соседей: британцев, французов и итальянцев. У немцев наблюдается некоторый перевес субклада U106, но в силу значительного «возраста» (около 4900 лет до предка) и широкой распространенности за пределами исторической Германии его сложно использовать в качестве метки миграций тех времен, когда германцы появляются в исторических источниках. То же самое можно сказать и о дочерних ветвях субклада U106, поскольку нет возможности различить, когда и в составе каких этносов предки того или иного участника появились в его родных местах.

Гаплогруппы I1 и R1a в этом аспекте более информативны, поскольку среди них имеются ветви, которые как по датам жизни своих предков, так и по этническому составу можно считать специфическими для германских народов. Соответственно, их географическое распределение может нести информацию о миграционных путях германцев в дописьменную эпоху. Прежде чем начать рассмотрение таких ветвей, следует отметить, что выборка с коммерческого проекта распределена по территории Германии неравномерно (рис. 4), и это необходимо учитывать при анализе.

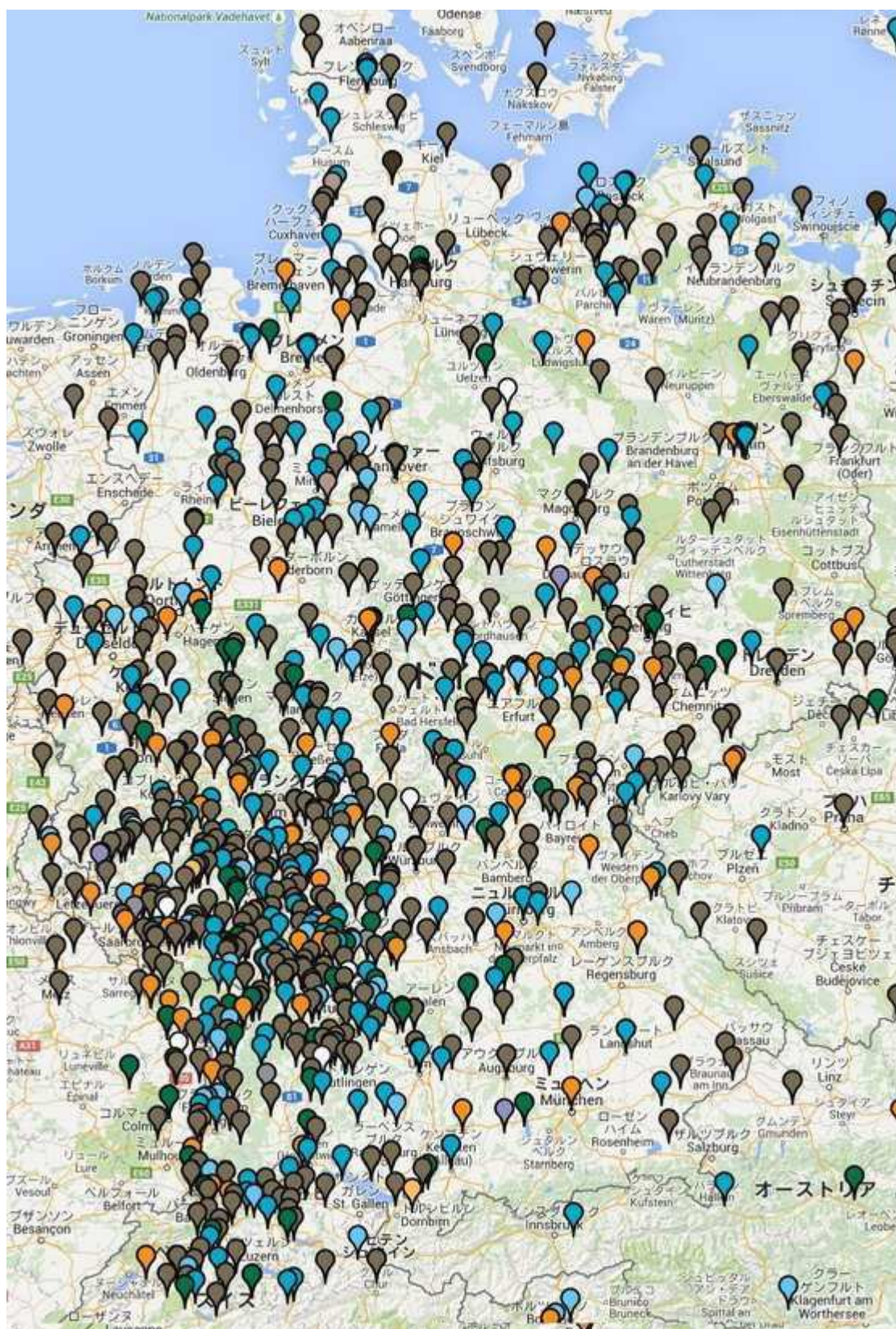

Рис. 4. Места рождения самых ранних из документированных предков для участников германского проекта FTDNA (<https://www.familytreedna.com/public/germany/default.aspx?section=ymap>)

Согласно общепринятой концепции (Ringe 2006: 67), распад протогерманской диалектной общности датируется временем около 2500 лет назад. Эту датировку

можно трактовать как начало территориального расхождения носителей протогерманского языка, приведшей к потере языкового контакта. Если какая-либо генеалогическая линия берет начало от предка, жившего тогда же или несколько позже, а среди ее носителей доминируют германоязычные народы, то с большой долей вероятностью можно считать, что эта линия зародилась в среде ранних германцев, а ее представители расселялись теми же маршрутами, что и германские племена в целом. Даже если доля таких специфических линий среди этнических немцев невелика, их можно рассматривать как своего рода зонд, позволяющий отследить события, происходившие в интересующее нас время.

Гаплогруппа I1 (M253), известная по ископаемой ДНК из Венгрии со времен раннего неолита (Szécsényi-Nagy 2015), но прошедшая через «бутылочное горлышко» около 4200 лет назад, распространена среди различных народов Северной Европы, в том числе и немцев. Подавляющее большинство носителей гаплогруппы I1 принадлежит к одному из трех субкладов: I1a1 (CTS6364), I1a2 (Z58) и I1a3 (Z63). Все они представлены у немцев и родственных им народов континентальной Европы, с заметным перевесом I1a2, который охватывает не менее 55% от тех участников германского ДНК-проекта, у которых был определен субклад гаплогруппы I1. В выборке 259 гаплотипов, принадлежащих I1a2, присутствуют 3 ветви с датировками, соответствующими началу распада протогерманской диалектной общности. На диаграмме они выделены цветом (рис. 5).

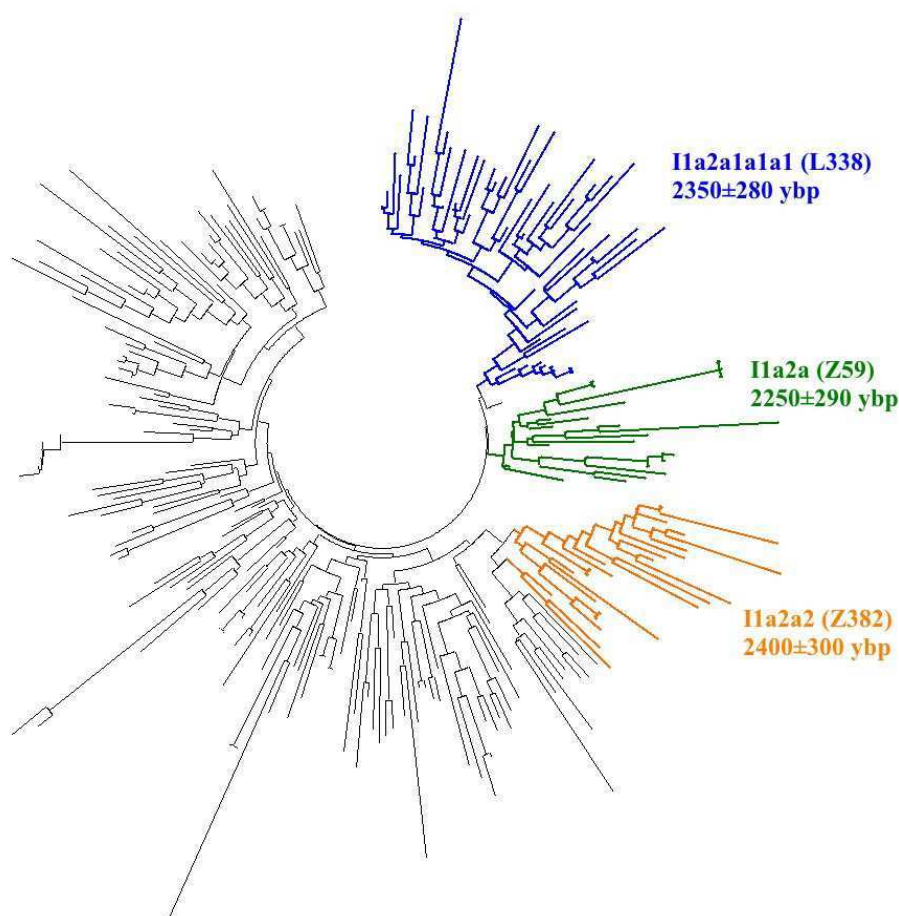

Рис. 5. Дерево 37-маркерных гаплотипов субклада I1a2 (Z58) для 259 участников германского ДНК-проекта

За пределами исторической Германии представители отмеченных на схеме ветвей присутствуют на Британских островах, но крайне редки в Скандинавии, где преобладают другие ветви, преимущественно из субклада I1a1 (CTS6364). Практически отсутствуют они и у славян, что позволяет считать их специфическими германскими или даже западногерманскими метками, в том числе и для англосаксов Британии.

Список можно дополнить ветвью YP282 гаплогруппы R1a, которая является дочерней к северо-западной L664. Родительская ветвь (R1a1a1a в текущей нотации ISOGG¹) характерна тем, что она разошлась с остальными ветвями R1a1a1 (M417) около 6200 лет назад, еще до того, как параллельная ей евразийская ветвь R1a1a1b (Z645) разделилась на субклады R1a1a1b1 (Z283) и R1a1a1b2 (Z93), которые сейчас доминируют у многих народов Европы и Азии, соответственно. Хотя родительская северо-западная ветвь восходит ко временам, когда еще не существовало отдельной группы германских языков, ее подветвь YP282 можно уже считать специфической для германоязычных народов, как по времени жизни предка (2300±240 лет назад), так и по ее этническому составу.

Рис. 6. Места рождения самых ранних из документированных предков для участников германского проекта FTDNA, принадлежащих к ветвям I1-L338 (2350±280 лет до предка), I1-Z59 (2250±290 лет), I1-Z382 (2400±300 лет) и R1a-YP282 (2300±240 лет)

¹ International Society of Genetic Genealogy: <http://www.isogg.org/>

При сопоставлении карт участников германского ДНК-проекта (рис. 4) и «германских» ветвей (рис. 6) можно отметить разрыв между двумя ареалами, где присутствуют последние. Этот разрыв охватывает территории современных земель Саар, Рейнланд-Пфальц, Гессен и частично Северный Рейн-Вестфалия. Их уроженцы хорошо представлены в проекте, а потому вряд ли такой разрыв можно отнести за счет недостаточной статистики. В центральной части западной Германии преобладают другие, менее специфические ветви гаплогруппы I1, а основной является гаплогруппа R1b, присутствующая в этом регионе, начиная со времен энеолита (Allenloft 2015, Haak 2015). Во времена раннего Средневековья этот регион занимали франки, к северу от которых жили саксы, а к югу – алеманы. Среди вероятных потомков последних двух этнических групп и наблюдаются выделенные выше ветви, которые, по всей видимости, маркируют собственно германский компонент в довольно сложной структуре генеалогических линий современных немцев. Однако исследование этногенеза германских народов с применением новейших данных ДНК-генеалогии и палеогенетики – это отдельная задача, далеко выходящая за рамки настоящего обсуждения.

Для частной задачи, вынесенной в заголовок статьи, важен тот факт, что среди немцев из Баден-Вюртемберга, говорящих на швабских диалектах немецкого, встречаются те же самые линии, что у голландцев и носителей нижненемецких диалектов из Северной Германии. Если сопоставить этот факт с античными источниками, то он может указывать на исходный пункт миграции племен, известных под собирательным названием «свевы» (лат. *Suevi* или *Suebi*, др.-греч. Σοῦβοι). В ходе переселения, военным предводителем которого был Ариовист, произошел первый (документированный в 71 г. до н.э.) контакт римлян с германскими племенами на территории современного Эльзаса, закончившийся военным столкновением и победой армии Цезаря в 58 году до н.э. (Caes. Gal. 1.51). В дальнейшем этноним *Suebi* закрепился за названием местности, где они осели после того, как были оттеснены Цезарем за Рейн – Швабией, или *Schwaben* на литературном немецком языке.

В «Записках о Галльской войне» свевы перечисляются наравне с другими германскими племенами, противостоявшими легионам Цезаря, но более поздние авторы считали этот этноним собирательным для коалиции племен, а среди современных исследователей существует гипотеза, что это было общее самоназвание германских племен еще до их территориальной экспансии и германизации окружающих народов (Кузьменко 2011: 18-25). У историков нет единого мнения относительно места, откуда свевы пришли в верховья Рейна и Дуная. Сомнения вызывает даже сам факт миграции и этнического единства этой племенной коалиции. Однако данные ДНК-генеалогии дают весомый аргумент в пользу того, что, по крайней мере, значительная часть свевов из сочинений Цезаря, Страбона и Тацита была выходцами из северной части Германии, занявшими к первой четверти I века до н.э. земли, заселенные до них кельтскими и, возможно, какими-то другими племенами. В конфликт автохтонов и мигрантов вмешались римские политики, что и позволило в итоге донести до наших дней сведения о самой ранней странице германской истории.

Возвращаясь к племени неметов, нельзя не отметить, что их города, помеченные на карте «германских» ДНК-линий фиолетовыми кружками (рис. 6), точно вписываются в южную часть занимаемого этими ветвями ареала. Если дополнить наблюдение тем, что неметы входили в коалицию, возглавляемую Ариовистом (Caes. Gal. 1.51), а Тацит причислял их к «несомненным германцам» (*haud dubie Germanorum populi*, Tac. Ger. 28), то можно заключить, что, видимо, около 2100 лет назад они жили севернее, по соседству с другими племенами севов. Тем самым удастся свести «географические соображения» к бассейнам Эльбы, Везера или Одера, а датировку возможных контактов неметов и славян к рубежу I и II веков до н.э. Принимая во внимание славянский пласт в гидронимике этих бассейнов и датировки наиболее распространенных среди славян ветвей из субкладов R1a-Z280 и I2a-L621 (между 2600 и 2100 лет назад), связь этнонимов *Nemetes* и **němьci* уже не выглядит столь надуманной, как ее подают сторонники версии о «немцах». Однако «могли контактировать» еще не означает, что неметы на севере Германии действительно контактировали со славянами, а их этноним стал собирательным для всех родственных им народов. Нужны данные, которые могли бы подтвердить близкое соседство племени, входившего, предположительно, в коалицию севов с севера Германии и предками современных славян. В качестве таких данных можно рассмотреть ветвь R1a-L1029, одну из основных у западных славян, а также занимающую значительный процент среди этнических немцев.

Рис. 7. Места рождения самых ранних из документированных предков для участников германского проекта FTDNA, принадлежащих к ветвям R1a-L1029 (2800±300 лет до предка)

Датировка жизни предка этой ветви (2800±300 лет назад) приходится на эпоху, когда еще не начался распад протогерманской диалектной общности. Современная ее численность (не менее 20 миллионов носителей по всему миру) и особенности филогении (отсутствие компактных подветвей с недавними общими предками и выраженных территориальных кластеров) позволяют предположить, что ко времени миграции свевов на юг она была достаточно многочисленной. Если ее носители были соседями предков проанализированных ранее ветвей гаплогруппы I1, то какая-то их часть должна была влиться в состав территориально близких им племен из коалиции свевов и, соответственно, принять участие в переселении. Географическое распределение немцев – носителей L1029 – можно считать подтверждением подобного хода событий (рис. 7).

Однако анализ осложняется тем, что основная часть представителей ветви L1029 в то же самое (или несколько более позднее) время приняла участие в этногенезе славян, а потому многие этнические немцы из этой ветви – потомки онемеченных полабских и поморских славян. В первую очередь, это касается уроженцев Мекленбурга, Померании, Верхней Саксонии и, видимо, восточной части Баварии. С другой стороны, в Тюрингии, Гессене и Баден-Вюртемберге в историческое время значимых миграций славянского населения не отмечено, если не считать притока рабочих из Польши времен промышленной революции. Но их потомки на карте отсутствуют, поскольку на нее нанесены данные документальной генеалогии, что отображают ситуацию в доиндустриальную эпоху. Следовательно, имеющийся на карте локальный максимум ветви L1029 в Баден-Вюртемберге можно считать отображением той же миграции, что привела свевов из гаплогруппы I1 в верховья Рейна. Можно также предположить с большой долей вероятности, что эта миграция началась не со стороны Северного моря, где практически отсутствуют представители L1029, а из более восточного региона, где они перемешаны с теми же ветвями гаплогруппы I1, что и на юге Германии, и где соседями германских племен были вены, в которых большинство специалистов видят прямых предков современных славян.

Если немцы до их переселения на Рейн были ближайшими соседями будущих славян (что очень вероятно при сопоставлении имеющихся данных), то расширительная семантика их этнонима выглядит совершенно закономерной. Некоторое сомнение может вызывать то, что немцы, известные по древнеримским источникам, были небольшим по размеру племенем, к тому же довольно рано подвергшимся романизации, в отличие от алеманов и саксов, вошедших во французский и финский языки. Однако эта проблема может быть связана, скорее, с односторонностью источников, повествующих о народах Европы, живших за пределами античного мира, чем с реальным положением дел.

Практически все сведения по дописьменной истории германцев и славян дошли до нас в изложении древнегреческих и древнеримских авторов, как правило, получавших их через вторые-третьи руки. Если сравнить то, что повествует о германцах Тацит, с древнегерманскими мифами, записанными в средневековой Исландии, то создается впечатление, что речь в них идет о совершенно разных народах. Многие народы и события упоминаются у античных авторов всего лишь

раз, оставляя простор для бесчисленных интерпретаций и фантазий. В частности, о самоназваниях германских племен либо нет сведений, либо они противоречивы, а информация о том, как называли древних германцев их соседи, отсутствует вообще. Показательный пример – названия немцев в литовском (*Vokiečiai*) и латышском (*Vācieši*) языках. Суффиксы *-čiai* и *-ši* в них можно сопоставить со славянским «-ичи», но происхождение основы остается загадкой, потому что ни один античный или средневековый автор не упоминал о народе с таким названием. Однако в его существовании вряд ли приходится сомневаться, если учесть, что наиболее тесные языковые контакты у ранних германцев были именно с балтами, что отражено в большом количестве изоглосс и заимствованных грамматических черт (Кузьменко 2011: 103-108).

Таким образом, с помощью данных ДНК современных немцев удастся подойти к ответу на вопросы, поставленные во введении. На первый из них (*память о какой эпохе хранит русское слово «немцы»?*) можно достаточно уверенно ответить, что это была эпоха, предшествовавшая экспансии германских племен на юг и восток, когда античный мир имел очень смутное представление о народах, живших у берегов Океана, по тогдашним географическим представлениям.

Для ответа на второй вопрос (*что можно сказать о времени и месте его возникновения?*) можно пока дать предварительную версию, что это было междуречье Эльбы и Одера и времена до I века до н.э. Для ее проверки необходимо привлекать дополнительные данные, в том числе по гидронимике и диалектологии, как германской, так и славянской. Много может проясниться по мере поступления новых данных по Y-ДНК баварцев и уроженцев северо-востока Германии, которые пока не особенно активны в коммерческом ДНК-тестировании.

Третий вопрос (*какой народ или группу народов изначально называли немцами, и что это слово означало?*) пока остается самым загадочным. Можно лишь с определенностью сказать, что к слову «немой» этот этноним отношения не имеет, и, по всей видимости, он пришел в славянские языки из какого-то другого языка. Соответственно, о его значении можно будет судить лишь тогда, когда появится определенность с языком. Тогда, может быть, имеет смысл вернуться к вариантам, возводящим это слово к значениям «пастбище» или «роща». Вопрос о том, кем были «прото-немцы» и по каким причинам их название стало собирательным, пока ждет своего решения.

Возможно, при сборе нового материала поможет один любопытный факт из ДНК-генеалогии евреев-ашкенази. Среди них существует небольшая (около 1% от всех евреев) линия, принадлежащая ветви R1a-L1029. Ее предок жил 1300±180 лет назад, то есть во времена, когда община ашкенази только начала формироваться. В отличие от подавляющего большинства еврейских линий, она, очевидно, берет начало не от потомка левантинцев, а от местного уроженца. Центрами формирования ашкенази в ту далекую эпоху были города Вормс и Шпайер, бывший *Noviomagus Nemetum*, а потому местный уроженец с большой долей вероятности мог быть прямым потомком неметов, некогда заселявших этот город и его окрестности.

Наконец, четвертый вопрос (*каков был характер отношений между «прото-немцами» и славянами?*), тесно взаимосвязанный с третьим, требует привлечения

большого массива данных по археологии и этнографии, в интерпретации которых важную роль должна играть ДНК-генеалогия. Пока что он находится на стадии постановки задачи, и работа только предстоит. Как можно видеть из обсуждения, вопрос об этимологии слова «немцы», который внешне казался раз и навсегда решенным, может послужить источником серьезного исследования с помощью новых методов и открытия новых, ранее неизвестных фактов из истории крупнейших народов Европы.

В заключение, автор приносит искреннюю благодарность О.А. Самбурову и И.В. Бызову за полезную дискуссию и помощь в поиске первоисточников.

ЛИТЕРАТУРА

Зализняк 2014 - Зализняк А.А. Древнерусское ударение: Общие сведения и словарь. М.: Языки славянской культуры, 2014, 728 с.

Константин - Constantini Porphyrogenneti imperatoris constantinopolitani libri duo De ceremoniis aulae byzantinae: prodeunt nunc primum graece, cum latina interpretatione et commentariis. Curarunt Io. Henricus Leichius et Io. Iacobus Reiskius. Leipzig: 1754.

Кузьменко 2011 - Кузьменко Ю.К. Ранние германцы и их соседи: Лингвистика, археология, генетика. СПб.: Нестор-История, 2011, 266 с.

Малов 2006 - Малов А.В. Московские выборные полки солдатского строя в начальный период своей истории, 1656-1671 гг. М.: Древнехранилище, 2006, 624 с.

Соловьев 2013 - Соловьев С.М. История России. Алексей Михайлович Тишайший. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2013, 304 с.

Allenloft 2015 - Allenloft M.E., et al. Population genomics of Bronze Age Eurasia. // Nature, 2015, V. 522, pp. 167–172.

Amm. - *Ammianus Marcellinus*. With An English Translation. John C. Rolfe, Ph.D., Litt.D. Cambridge, Cambridge, Mass.: Harvard University Press, London, William Heinemann, Ltd., 1935-1940.

Caes. Gal. - C. *Julius Caesar*. C. Iuli Commentarii Rerum in Gallia Gestarum VII A. Hirti Commentarius VII. T. Rice Holmes. Oxonii. e Typographeo Clarendoniano. 1914.

Delamarre 2003 - Delamarre X. Dictionnaire de la langue gauloise. Une approche linguistique du vieux-celtique continental. Errance, 2003, 440 pp.

Haak 2015 - Haak W., et al. Massive migration from the steppe was a source for Indo-European languages in Europe. // Nature, 2015, V. 522, pp. 207–211.

Hazlitt 1851 - Hazlitt W. The classical gazetteer: a dictionary of ancient geography, sacred and profane. London: Whittaker & co., 1851, 378 pp.

Kniezsa 1955 - Kniezsa I. A magyar nyelv szláv jövevényszavai I-II. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1955, 1043 pp.

Purps 2014 - Purps J., et al. A global analysis of Y-chromosomal haplotype diversity for 23 STR loci. // Forensic Science International: Genetics, 2014, V. 12, pp. 12–23

Ringe 2006 - Ringe D. A Linguistic History of English. Volume I: From Proto-Indo-European to Proto-Germanic. Oxford: Oxford University Press, 2006, 355 pp.

Szécsényi-Nagy 2015 - Szécsényi-Nagy F., et al. Tracing the genetic origin of Europe's first farmers reveals insights into their social organization. // Proceedings of the Royal Society B: Biological Sciences. // 2015, doi: 10.1098/rspb.2015.0339

Tac. Ann. - *Cornelius Tacitus*. Annales ab excessu divi Augusti. Charles Dennis Fisher. Oxford: Clarendon Press, 1906.

Tac. Ger. - *Cornelius Tacitus*. Opera Minora. Henry Furneaux. Oxford: Clarendon Press, 1900.

REFERENCES

- Allenloft 2015 - *Allenloft M.E., et al.* Population genomics of Bronze Age Eurasia. // *Nature*, 2015, V. 522, pp. 167-172. [in English].
- Amm. - *Ammianus Marcellinus*. With An English Translation. John C. Rolfe, Ph.D., Litt.D. Cambridge, Cambridge, Mass.: Harvard University Press, London, William Heinemann, Ltd., 1935-1940 [in Latin].
- Caes. Gal. - *C. Julius Caesar*. C. Iuli Commentarii Rerum in Gallia Gestarum VII A. Hirti Commentarius VII. T. Rice Holmes. Oxonii. e Typographeo Clarendoniano. 1914 [in Latin].
- Constantine - *Constantini Porphyrogenneti imperatoris constantinopolitani libri duo De ceremoniis aulae byzantinae: prouident nunc primum graece, cum latina interpretatione et commentariis*. Curarunt Io. Henricus Leichius et Io. Iacobus Reiskius. Leipzig: 1754 [in Greek and Latin].
- Delamarre 2003 - *Delamarre X.* Dictionnaire de la langue gauloise. Une approche linguistique du vieux-celtique continental. Errance, 2003, 440 pp. [in French]
- Haak 2015 - *Haak W., et al.* Massive migration from the steppe was a source for Indo-European languages in Europe. // *Nature*, 2015, V. 522, pp. 207-211. [in English].
- Hazlitt 1851 - *Hazlitt W.* The classical gazetteer: a dictionary of ancient geography, sacred and profane. London: Whittaker & co., 1851, 378 pp. [in English].
- Kniezsa 1955 - *Kniezsa I.* A magyar nyelv szláv jövevényszavai I-II. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1955, 1043 pp. [in Hungarian].
- Kuz'menko 2011 - *Kuz'menko Ju.K.* Rannie germancy i ih sosedi: Lingvistika, arheologija, genetika. SPb.: Nestor-Istorija, 2011, 266 pp. [in Russian].
- Malov 2006 - *Malov A.V.* Moskovskie vybornye polki soldatskogo stroja v nachal'nyj period svoej istorii, 1656-1671 gg. M.: Drevnehranilishhe, 2006, 624 pp. [in Russian].
- Purps 2014 - *Purps J., et al.* A global analysis of Y-chromosomal haplotype diversity for 23 STR loci. // *Forensic Science International: Genetics*, 2014, V. 12, pp. 12-23. [in English].
- Ringe 2006 - *Ringe D.* A Linguistic History of English. Volume I: From Proto-Indo-European to Proto-Germanic. Oxford: Oxford University Press, 2006, 355 pp. [in English].
- Solov'ev 2013 - *Solov'ev S.M.* Istorija Rossii. Aleksej Mihajlovich Tishajshij. M.: OLMA Media Grupp, 2013, 304 pp. [in Russian].
- Szécsényi-Nagy 2015 - *Szécsényi-Nagy F., et al.* Tracing the genetic origin of Europe's first farmers reveals insights into their social organization. // *Proceedings of the Royal Society B: Biological Sciences*. // 2015, doi: 10.1098/rspb.2015.0339 [in English].
- Tac. Ann. - *Cornelius Tacitus*. Annales ab excessu divi Augusti. Charles Dennis Fisher. Oxford: Clarendon Press, 1906 [in Latin].
- Tac. Ger. - *Cornelius Tacitus*. Opera Minora. Henry Furneaux. Oxford: Clarendon Press, 1900 [in Latin].
- Zaliznjak 2014 - *Zaliznjak A.A.* Drevnerusskoe udarenie: Obshhie svedenija i slovar'. M.: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2014, 728 pp. [in Russian].

Рожанский Игорь Львович – Кандидат химических наук,
член научного совета Академии ДНК-генеалогии.

Rozhanskii Igor – Candidate of chemical sciences,
Member of scientific council of the Academy of DNA-Genealogy.

Email: mail@histformat.com